

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-41-47

Чернявский Александр Геннадьевич
Alexander G. Chernyavsky

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного (государственно-го) и международного права

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (123001, Москва, ул. Большая Садовая, 14)

doctor of sciences (law), professor, professor of the department of constitutional (state) and international law

Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation (14 Bolshaya Sadovaya st., Moscow, Russian Federation, 123001)

E-mail: aleksandrcher@mail.ru

Основные предпосылки к новой комплексной теории права

Basic prerequisites for a new comprehensive theory of law

В данной статье автор доказывает, что лишь после того как социологическое изучение установит нам действительную природу общества, как этическое исследование дает основной принцип нравственной деятельности, а философия права покажет правовое выражение этого принципа, можно приступать и к построению политики, которая есть лишь проведение нравственно-правовых целей в данной общественной среде. Социологические данные о природе общества и философские утверждения об основах нравственности составляют необходимые предпосылки всякой действительно обоснованной теории государства и права, так как только они могут служить надежным фундаментом для конструкций теоретической юриспруденции.

Ключевые слова: природа общества, коллективно-психологическое явление, природа юридических норм, социальный идеал, социальный номинализм.

In this article, the author proves that only after a sociological study establishes the real nature of society, how ethical research gives the basic principle of moral activity, and the philosophy of law will show the legal expression of this principle, can we begin to build a policy that is only carrying out moral and legal goals in this public environment. Sociological data on the nature of society and philosophical statements on the foundations of morality constitute the necessary prerequisites for any really grounded theory of state and law, since only they can serve as a reliable foundation for the construction of theoretical jurisprudence.

Keywords: nature of society, collective psychological phenomenon, nature of legal norms, social ideal, social nominalism.

При рассмотрении природы общественных отношений зачастую совершается типичная ошибка, когда одна из составных частей общественной модели воспринимается в качестве всего массива социальных отношений. Существуют два основных элемента общественной жизни: это человеческая личность и коллективное сознание. Однако в практике общественных отношений широко выражена однородность, крайний индивидуализм, нашедший естественное отображение в теории общественного договора и разнообразных анархических учениях.

С другой стороны, степень человеческого индивидуализма может существенно нивелироваться, превращая личность в составную единицу единого социального массива (коллективизм) как «естественную» модель технологического и общественно-политического развития (исторический материализм).

При одностороннем подходе к трактовке социальных отношений невозможно понять их целостную структуру, так как она основывается на взаимодействии человеческой личности и окружающей ее общественной жизни. Чтобы понять

© Чернявский А.Г., 2020

взаимозависимость человека и общества, необходимо объединить концепцию индивидуализма и коллективизма.

Социология установила синтетическое двуединство общества через закон органического разделения: с одной стороны, социум формируется как общественная солидарность, а с другой — в нем присутствует понятие «разделение труда», выделяющее отдельную личность как производящую структурную расчетную единицу.

Однако с точки зрения понимания общественных моделей, подобная трактовка не может давать оптимального ответа на причину возникновения того или иного социального явления, поэтому принцип синтетического двуединства применим лишь в качестве отдельной аналогии.

Общество не является биологическим организмом — это коллективное психологическое явление. А личностно-общественный дуализм (двусторонность) является органическим результатом коллективного психологического синтеза.

Стандартная модель подачи общей теории права строится по принципу определения самого права, далее следуют природа и различные элементы юридических норм. И только в заключение поднимается аспект взаимодействия общества и государства.

Однако система права есть явление социальное, понимание которого приходит только из общественной природы, эту правовую систему породившей. Право есть отображение психической деятельности человека.

Поэтому, чтобы дать определенную правовую оценку, необходимо понять, что есть нормальные принципы человеческой деятельности. Для этого требуется определить понятие обязательных правовых норм. И уже затем необходимо переходить к исследованию конкретных сфер, связанных с природой юридических норм и правоотношений.

Общественные законы исследуются в социологии. Отсюда же необходимо исходить при начале построения любой политической или правовой теории.

Социология — это есть совокупный комплекс общественных наук. Одновременно с этим, исследовав отдельный элемент общественных взаимоотношений, нельзя сделать вывод об общей структуре и формате конкретного социума.

Здесь можно говорить лишь о частном случае соотношения между отдельными научными дисциплинами. При этом, если попытаться смоделировать частные случаи взаимодействия социальных дисциплин на всю общественно-

правовую модель, здесь обязательно возникнут пробелы или откровенные логические противоречия. Подобный вывод напрашивается из того, что структура социальных явлений не идентична явлениям политическим, политическим — экономическим, экономическим — социальным и т. д.

Как область научного знания социология в первую очередь есть объединяющая философия социальных наук, изучающая принципы и факторы формирования тех или иных форматов межличностных и личностно-общественных отношений (личность ↔ личность, личность ↔ общество).

По своей модели построения и взаимодействия с изучаемым предметом, социология вполне согласуется с другими комплексными областями научного знания (также, к примеру, позиционируется и биология — как комплекс изучения научных дисциплин в органической жизни, физика — как комплекс естественных наук и т. д.).

Социология — есть общая теория общества: наука об общественных законах (здесь и проявляется ее двойственность, так как общественные законы могут иметь формат юридических норм, а также моральных «неписаных» правил). Социология изучает социальные образования и явления общественной среды как с позиции их формы (исполнительных императивов), так и содержания (побудительной направленности).

Социология есть наука об обществе в целом и, следовательно, пользуется научным методом, позитивным, основанным на наблюдении над общественной жизнью; поэтому от нее нужно отделять социальную философию, то есть вопросы о социальной сущности и о конечной социальной цели, социальную этику, так как в изучении реальных фактов мы не можем найти основ для норм должностования, и социальную политику, дающую социальный идеал, а не реальное изучение общества. Социология есть наука об обществе в целом, и потому нельзя с ней отождествлять, но необходимо видеть динамику взаимопроникновения и взаимозависимости с юриспруденцией, учением о политических формах, политической экономией, антропосоциологией, социальной психологией, историей (которая является источником для социологии) и философией истории (которая относится только к социальной динамике, а не к статике).

Обращаясь к социологическим теориям, пытающимся рассмотреть природу общества, мы должны сделать одно общее замечание, которое, впрочем, имеет силу по отношению не к

одной социологии, но и ко всем общественным наукам.

Изучая историю возникновения, формирования и развития современного состояния социологии, этики, юриспруденции, философии и права, можно сделать очевидный вывод, что общественная мысль постоянно стремится к обоснованию какой-либо социальные модели, всестороннему выстраиванию и оптимизации трактовки и применения принципов этой модели.

В большинстве случаев парадигма выстраиваемой модели принимается крайне однородно, с интуитивным отрицанием любой другой концепции.

Рассмотрим это утверждение более подробно, на базовых принципах построения человеческого общества. Пример: само понятие рода, клана (впоследствии государства) подразумевает термин «Мы» в широком смысле. «Мы» воспринимается как естественный ход вещей. «Я» (член рода, клана, гражданин государства) составная часть «Мы». «Я» не могу стать частью «Они» (другого клана, рода, государства). Если я стану частью «Они», я перестану быть частью «Мы». Одновременно с этим я стану частью «Мы 2», при этом «Мы» — станут «Они». Вариант «Мы» и «Они» станут «Мы 3» крайне маловероятен, практически невозможен, так как корень расчета общественных отношений начинается от понятия «Я». А «Я» — это не «Они». Это и есть яркий пример концентрации на одной парадигме при отрицании другой.

Поэтому нет ничего удивительного, что теории общественных отношений зачастую расходятся между собой в наиболее концептуальных и существенных вопросах. В первую очередь это вопросы морали, общества и права. Подобные противоречия и одновременная борьба юридических, этических и социологических конструкций в теории общественных отношений является примером неопределенности, шаткости в выстраивании научной модели как с точки зрения изучаемого предмета, так и научного принципа всей отрасли социологических знаний.

Социологи доподлинно не могут определить абсолютную (универсальную) модель общества. Моралисты постоянно находятся в дискуссиях о приоритете высшего блага. Юристы спорят об определении права. Из этого следует, что все они рассуждают о том, что им доподлинно всесторонне не известно.

Это порождает постоянные противоречия и не соотносимые друг с другом теории. Среди них сложно выделить единую истину, так как критерии подхода и оценки для нее постоянно

разнятся. При этом каждая из выдвинутых теорий объявляет себя «истиной в последней инстанции», а все остальные концепции — ложными, а зачастую враждебными (яркий пример: религиозные догмы).

Конечно, нельзя делать подобный однозначный пессимистичный вывод о теоретических общественных науках, так как диктат односторонних принципов мы можем проследить во всех отраслях человеческой деятельности и знаний.

Основываясь на историческом опыте, можно утверждать, что существовало и продолжает существовать множество религиозных и философских систем, идеологий, зачастую выстроившихся на абсолютно противоречащих друг другу принципах.

Если подходить к анализу исторического процесса поверхностно, то вся история человечества представляется в виде бесплодной борьбы по поиску оптимальных концепций во всех областях жизнедеятельности: каждая вновь создаваемая теория и система в конечном итоге пытается опровергнуть предыдущую, и утвердить свою безальтернативность.

Однако при дальнейшем развитии общественных отношений возникает очередной «кризис идей», и на месте вчерашней парадигмы появляется новая концепция, и процесс «завоевания общественного признания» и утверждения позиций «новых смыслов и идей» начинается вновь.

Из этого можно сделать вывод, будто человеческий разум обречен «вечно находиться в потемках заблуждений». Однако это не так, ввиду того что обычно новая модель и концепты, приходящие на смену старым, в той или иной мере учитывают опыт и очевидные ошибки, апробированные практическим путем в жизни предыдущих поколений.

Поле «пространства действий» постоянно расширяется, вырабатывая всю новые и более эффективные модели и приемы межличностного и общественного взаимодействия во всех областях человеческой жизни. Это и есть путь прогресса, благодаря которому мы сегодня не живем в пещерах.

Альтернативой этому служит только признание противоречия в различных точках зрения и пути решения конкретного вопроса принципиальным. Однако это ведет к отказу от самого принципа в дальнейшем познать что-либо, так как любое знание подтверждалось через борьбу противоречий и плюрализм (разность) мнений.

Однако модель развития социума не настолько противоречива, как может показаться

на первый взгляд. Не следует возводить в абсолют исключительность и несовместимость различных противоречий в разнящихся теориях.

Для человеческого анализа свойственен подход «от общего к частному». Когда первоочередной приоритет отдается конкретному изучаемому аспекту, при этом на второй план отводится общая внешняя среда, такой аспект сформировавшая. Этот же принцип лежит в появлении новых смыслов, начинающих утверждаться в своей исключительности.

При этом как минимум на начальном этапе новые идеи и смыслы могут терять свой истинный характер, так как исключительность подразумевает прерывание элементов «всеединой цепи знания»: неучитывание опыта других концепций и отрицание их сути.

В этом и лежит причина противоречия различных идей, которые время от времени (в зависимости от успеха — распространенности и количества сторонников) повергают мир в состояние умственного разлада — острых политических, социально-философских, религиозных и даже экономических конфликтов (т. к. менталитет во многом порождает модель хозяйствования), ведущих к войнам.

Рассмотрим этот момент на примере нескольких правовых теорий. В правовых нормах анализу подвергается лишь разграничение внешней свободы, на основе которого выстраиваются различные индивидуалистические теории права.

Например, во власти (из-за наличия механизма принуждения) имеется проявление господствующей воли. Отсюда исходит волевая теория власти. Она усматривает в государстве лишь юридическое лицо, способное выстраивать полноценные правоотношения только с другими юридическими лицами.

Это в свою очередь дает основания для построения юридической теории государства, где значимым уже воспринимается только выражение народной воли в правительстве.

При этом обе теории страдают органическим пороком однородности: индивидуалистический подход теории власти отказывается воспринимать выражение общественной функцией охраны общего интереса; теория государства не желает признавать, что государство больше, чем юридическое лицо.

Если сюда прибавить демократические теории, то они отказываются признавать, что правительственная власть может исходить не только от народной воли, но и сама по себе является источником своего авторитета — природу пра-

вительственной власти нельзя свести только к воле лиц, процедурно находящихся к ней (власти) в подчиненном положении.

Юридические, социологические, этические теории в своей конструкции имеют подавляющую общую черту неукротимого стремления к искусственному упрощению вопросов научного построения исходя из монизма (основываясь только на единственном принципе-основоположнике этих теорий).

Это демонстрирует искусственное отвлечение частных элементов от сложного и неразделимого в своей сложности целого.

При этом критика и отрицание концептуально не сходных теорий сводится к тому же принципу единоначалия (монизм). Стратегия критики по отношению к подвергаемому обструкции положению заключается в попытках изолирования его от общей исходной теории, таким образом доводя противоречия между ними до абсурдного несоответствия действительности (софизм).

Фактически общественные явления, как и любые жизненные процессы многосторонни: их следует рассматривать с различных позиций и точек зрения. Но ввиду того, что теоретики пытаются выстроить концепцию рассуждения на основе монизма — с односторонним отрывом от исходных для всего принципов, в случае сопоставления двух (или нескольких) теорий в них обязательно найдутся принципиальные основополагающие противоречия.

Однако это вовсе не означает, что изначально разнонаправленные концепции не имеют общих сходных черт. Любое одностороннее определение и освещение теоретического начала (если все же теория основывается на опыте реальной жизни) не может быть абсолютно ложным, так как всегда найдутся подтверждающие моменты хотя бы части его принципов (это особенно заметно, когда речь касается того, что теория утверждает, и того, что она отрицает).

Но польза и значение такой теории, поле ее применения — всегда будут ограниченными. Поэтому односторонние теории не являются абсолютной истиной. Они не более чем исполнительный технический элемент в построении более сложных и оптимальных (многозадачных) концепций.

Чтобы избежать ловушки ложной односторонности, необходимо остановиться на синтезированной позиции и начать искать многосторонние определения, которые бы по своей сути максимально исчерпывающе объясняли рассматриваемую проблему, при этом имея об-

щие связи из сфер и позиций других областей знаний.

Это сложный путь, предполагающий в себе глубокие знания во многих областях человеческой жизнедеятельности. Монизм удобен с точки зрения простоты обоснования концепции, однако он органически не способен находить оптимальное решение для задач, находящихся на стыке нескольких областей знаний (а таких большинство).

Поэтому необходимо примириться с более сложным, но соответствующим естественной картине вещей многообразной действительности — плюрализмом.

Однако, конечно, мало просто прийти к заключению, что существует множество подходов и точек зрения на рассматриваемое явление. Познание как раз заключается в поиске существенных сторон и продуктивного соотношения различных составных элементов при анализе двух или множества областей научного знания.

Опять-таки здесь не стоит использовать эклектизм — механическое соединение принципов и элементов из различных областей знаний. Для продуктивного синтеза необходимо именно оптимальное, гармонично выявленное соединение односторонних определений из различных областей знаний на основании синтезирующей силы единого начала. Это и есть настоящее познание.

Эта комплексная (обобщенная взаимодействующими, взаимопроникающими юридическими, социальными, политическими и т. д. теориями) точка зрения прежде всего должна быть применена к пониманию природы общества. В науке об обществе одинаково ошибочны оба крайние односторонние воззрения на него, до сих пор разделяющие многих социологов (и индивидуалистические, и коллективистические), и истину надо искать только в комплексном (обобщенном) слиянии положительных сторон каждого из них.

Одностороннее индивидуалистическое воззрение на общество отрицает специфическую ограниченность общественных соединений. Общество понимается с этой точки зрения как механический агрегат индивидуальных особей, причем этот агрегат есть лишь случайная сумма входящих в него единиц, и в сумме этой нет ничего нового, что бы уже не заключалось в его частях. Такое воззрение есть своеобразный социальный номинализм, для которого общество не имеет бытия как особое единое существо. Это воззрение лежит, вообще говоря, в основе различных выражений так называемой механи-

ческой теории общества [1, с. 423], начиная уже с учения софистов, но особенно такой преувеличенный социальный индивидуализм пронизывал всю школу естественного права. На нем утверждалась и договорная теория общества.

Здесь не место вдаваться в подробное изложение и критику того механического социального индивидуализма, который такое яркое выражение нашел себе в социально-политических теориях Гоббса, Руссо, Годвина и вообще в социальной философии XVIII века, у одних авторов приходя к выводам крайне абсолютистского характера, у других, как у Годвина, — к крайнему анархизму. Индивид не может отделить своего существования от того собирательного целого, в котором он живет. Только через общество получает он жизнь и становится разумной личностью: все, что имеется в общественной жизни, передается отдельной личности, наполняя ее содержанием; только в обществе индивидуальный разум человека впервые в общении с другими людьми начинает осознавать себя и закрепляет свои приобретения через посредство языка, создания исключительно общественно-го. Только в общении с другими людьми человек возвышается от состояния бессловесного существа до личности, торжествующей своим разумом над неразумной природой. Если бы не было общества, то не было бы и людей как сознательных и разумных личностей.

В дальнейшем мы увидим, что ни социологические наблюдения законов общественной жизни, ни требования правильной этической системы, ни размышления над природой права не подтверждают правильности индивидуалистической гипотезы, а, наоборот, доказывают полную ее несостоятельность.

Противоположная односторонность в понимании природы общества состоит в преувеличении органического элемента в общественных объединениях. Очень часто забывается, что какова бы ни была специфическая природа общества, она никогда не уничтожает отдельной личности, никогда не поглощает индивидуального сознания и индивидуального бытия. Между тем вначале социология склонна была преувеличивать коллективный момент в социальной жизни. Для Конта, например, действительно существовало только человечество в целом, только оно одно истинно реально, отдельные же индивиды имеют лишь кажущееся бытие: они приходят и уходят как элементы целого, истинно же остается только это последнее. Индивиды суть только абстракции, действительно существует одно общество. Индивиды для Конта даже не

«отдельные существа», а органы «Великого существа» — человечества. Ясно, какие практические выводы могли быть сделаны из подобного теоретического положения. И действительно, утопия Конта о социократическом правлении совершенно забывала об отдельной личности, словно ее не существовало, словно в конце концов не она начало и конец всякой жизни. В этом презрении к индивиду и к его правам с нею могут быть сравнены только убеждения еще более известного представителя коллективистического мировоззрения Платона. Ни о какой личной свободе, политической или религиозной, не может быть здесь и речи, и наиболее последовательная с этой точки зрения политика есть та, о которой мечтал Великий Инквизитор. Непонятны сами основания для построения таких теорий общества, по которым интерес и благо личности как таковой вполне подчиняются благу и интересам общества и приносятся в жертву. Низведение индивида на роль простого органа, сопровождаемое умалением и деградацией личности, совершенно бессмысленно, так как остается непонятым, для чего же существует тогда само благоустроенное общество, которое особого сознания своего не имеет, а индивидуальное сознание лиц, его составляющих, лишь страдает. Впрочем, существование такого общества и невозможно.

Забывать о действительном значении человеческой личности в общественной жизни людей особенно склонны из современных социологических направлений биологическое и экономическое, и именно этот вопрос и является их камнем преткновения, на котором они терпят окончательное крушение.

Биологическое объяснение общественной природы стремится понять социальную жизнь как видовой архетип животной природы: объяснить мотивацию действий людей биологическими законами конкурентной борьбы за существование, принципом естественного отбора, меж- и внутривидового взаимодействия.

Здесь органическое видоизменение общественной среды происходит по инерции: механический принцип неизбежной игры биологических и физических законов без понимания мотивации к действию со стороны человеческой личности (целесообразности). Общественные отношения рассматриваются как механизм естественного отбора по приспособлению, выживанию и дальнейшему воспроизводству сильнейших генов.

Но человеческая жизнь на современном этапе общественного развития имеет множество

отклонений от естественного животного поведения. Механическое взаимодействие биологических законов не является определяющим для мотивации поведения человеческой личности, так как влияние естественной среды во многом нивелируется действием культуры и сложившегося в ее рамках формата общественного договора (устройства государства и общества).

Непридание важного значения индивидуальности является слабым местом и другой популярной коллективистской общественной доктрины — экономического материализма.

Все историческое развитие человеческих обществ объясняется естественным движением производительных сил, развивающихся чисто диалектически, по неизменным законам. Но ни Маркс, ни его последователи не дали ответа на вопрос, который существенно возникает вслед за этим утверждением: чем же объясняется само движение, само развитие производительных сил: ведь не происходит оно само по себе, без всякой причины. Изыскание же этих последних оснований неизбежно приведет к действию единственного фактора, который может творить движение из самого себя, к влиянию творческой человеческой личности.

Мы даже не настаиваем на нелепом с логической точки зрения стремлении этой теории построить социальный идеал на механической основе причинной необходимости общественного развития. Если человеческие идеи суть лишь рефлексы хозяйственных отношений, то как же они могут руководить этими отношениями, как они вообще могут воздействовать на то, рефлексами чего они являются? Логическая несообразность этих противоречий в доктрине экономического материализма говорит, вопреки основному смыслу всей доктрины, о том, что на известной стадии исторического развития происходит взаимодействие экономического фактора и науки, что наступает момент, когда человек окончательно выходит в известном смысле из животного царства и переходит из животных условий существования в истинно человеческие. Совокупность жизненных условий, которые до сих пор властвовали над человеком, подчиняется с этого времени контролю и господству людей, впервые делающихся сознательными, истинными господами природы, потому что они стали господами своего собственного общежития. Законы общественной деятельности людей, противостоящие людям до сих пор, как чуждые, господствующие над человеком законы природы, станут применяться людьми с полным сознанием и тем самым будут служить

человеку. Общежитие людей, принудительно возникающее до сих пор под влиянием природы и истории, становится собственным свободным делом человека. Объективные, чуждые силы, которые управляли историей, подчиняются контролю самого человека. Только с этого времени люди будут сами, с полным сознанием, делать свою историю... Это прыжок человечества из царства необходимости в царство свободы — так высказал свою позицию Ф. Энгельс в сочинении «Против Дюринга». То же за Энгельсом повторяет и другой сторонник (Бельтов) исторического материализма, что диалектический материализм говорит: человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является ее продуктом. Но раз явился этот продукт, он не должен и по самой природе своей не может подчиниться завещанной прежней историей действительности; он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, сделать ее разумнее.

Допущение такого прыжка из царства необходимости в царство свободы есть откровенное признание того, что теория экономического материализма не объясняет всей общественной жизни и что на известной стадии общественного развития социологические законы перестают действовать. Здесь кроется серьезное логическое противоречие, так как подобная модель отрицает собственную теорию в смысле признания влияния на ход исторического процесса психологического фактора, реализуемого личностью человека. С ее точки зрения весь эволюционный путь человеческой цивилизации объясняется исходя из естественного движения и постепенного повышения продуктивности производственных сил, которые развиваются по дидактическим и неизменным принципам и законам.

Непризнание этой роли есть очевидных казус, так как история показывает, что, несмотря на любой формат экономических отношений, известная модель соотношения классов остается стабильной в условиях, когда у рядового

члена общества сохраняется вера в справедливость окружающего его общественного порядка.

Революции происходят в момент накопления критических противоречий и ослабления этой веры.

Довольно спорна, своеобразна и сомнительна попытка объяснения хода психического развития человека, единства основополагающего общественного фактора человеческого сознания (т. к. оно есть основа и конец всех составляющих социума) через воздействие материально-экономических условий нашей жизни. Эта теория пытается найти взаимосвязь в попытках вычленения закономерностей между изменением модели хозяйствования и ходом развития человеческой психики и ментальности.

В противовес этому можно заявить, что экономические явления есть одно из наглядных последствий воздействия человеческой психики на окружающую действительность. А это уже доказывает прямую взаимную обусловленность, а не главенство одного только экономического фактора.

Односторонность индивидуалистских и коллективистских теорий также доказывается фактом, что, применяя принцип глобальности (возводя один из составных общественных элементов в абсолют и соотнося его с другими), они в недостаточной степени понимают (и не пытаются понять) взаимопроникающий и взаимовлияющий характер общественных связей. Не рассматривают в качестве важного аспекта творческую составляющую человеческой личности.

Примечания

1. Чернявский А.Г. *Фундаментальные основы права: компаративистика в юриспруденции*. М., 2019.

References

1. Chernyavsky A.G. *Fundamental foundations of law: comparative studies in jurisprudence*. Moscow, 2019. (In Russ.)